

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-17>

В.Н. Адаев

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: whitebird4@yandex.ru

МОДЕЛИ ОСВОЕНИЯ УДАЛЕННЫХ ТАЕЖНЫХ УГОДИЙ РУССКИМИ ПРОМЫСЛОВИКАМИ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В XX в.

Рассмотрена стихийная колонизация бассейна р. Демьянка (Уватский р-н Тюменской обл.) русскими сибирскими старожилами, начавшаяся в первой половине XX в. Переселенцы Среднего и Нижнего Прииртышья осваивали соседнюю глубинно-таежную территорию разными маршрутами и представили две заметно различающиеся модели ее освоения. Уход в тайгу стал для многих способом укрыться от социального прессинга и властного контроля, улучшить свое благосостояние.

Ключевые слова: этнография Сибири, русские сибирские старожилы, таежное промысловое хозяйство, вынужденная миграция, рутинное сопротивление крестьянства.

Введение

Русское население, заселявшее с XVII в. южно- и среднетаежную зону Западной Сибири, в своей хозяйственной деятельности всегда в значительной степени опиралось на добывающие промыслы. Причинами этого были и очевидные сложности северного сельского хозяйства, и те экономические выгоды, которые несли охота, рыболовство и собирательство, включая, конечно же, их существенное товарное значение. Последнее особенно актуализировалось в начале XX в. с развитием капиталистических отношений. В этот период стало совершенно очевидным, что активное развитие товарного промысла у русских сибиряков сдерживается ограниченностью доступных к освоению северных территорий — речь идет об удаленных таежных угодах, находящихся, как правило, в вотчинном землевладении «инородческого населения».

Тема стихийной колонизации русскими урманных территорий Сибири в первой трети XX в.¹ до сих пор не рассматривалась целенаправленно в историко-этнографических работах, хотя отдельные ее аспекты были освещены исследователями [Изергина, 1985; Курилов, 2005; Любимова, 2012; Соловьева, 1981; Старцев, 1987]. Новизна настоящей работы заключается, во-первых, в том, что указанная тема впервые рассмотрена на локальных материалах, причем демонстрирующих две различающиеся модели освоения таежных уголков. Во-вторых, в ней акцентируется внимание на специфическом факторе, дополнительно подталкивавшем сибирских крестьян к переселению в глухие места, — стремлении найти безопасное место, чтобы избавиться от внешнего социального прессинга и властного контроля. В качестве основных методов исследования использованы системный и сравнительно-исторический анализ, кроме того, существенное значение для работы имела так называемая теория сопротивления, принадлежащая к сфере антропологии власти. Ключевую роль в разработке данной концепции властных отношений на этнографическом поле сыграли труды Дж. Скотта [Scott, 1985, 2009 и др.].

Территория переселения, о которой пойдет речь, — бассейн р. Демьянка, крупного правого притока нижнего Иртыша протяженностью более 1000 км, берущего начало в Васюганских болотах и протекающего преимущественно в направлении юго-восток — северо-запад. Значительная часть бассейна, в особенности среднее течение и верховья, в начале XX в. была малоизученной территорией и относилась к весьма труднодоступным ареалам. При этом там сохранялись богатые промысловые ресурсы: ценный соболь, многочисленные лось, северный олень, белка и другие животные, обилие рыбных водоемов, кедровников и ягодников. В низовь-

¹ Более ранний период стихийной колонизации сибирских таежных территорий имел в своей основе другую мотивацию и предпосылки и не входит в рамки данного исследования (см., напр.: [Мамсик, 1989]).

ях реки обитали местные демьянские ханты, рыболовы и охотники, к началу XX в. в значительной степени подвергшиеся русской аккультурации и тяготевшие к крестьянским селениям Нижнего Прииртышья. Выше по Демьянке были угодья, осваиваемые представителями северных оленеводческих общностей, пришедших с сопредельных территорий,— большеюганскими хантами и эвенками (мигрантами с Подкаменной Тунгуски).

Основу русских переселенцев на Демьянку составили сибирские старожилы, происходившие из двух ареалов — Среднего Прииртышья (современные Усть-Ишимский и Тевризский районы Омской области) и Нижнего (Уватский район Тюменской области), которые по руслу разделяет около 500 км. Старожильческое население указанных территорий имело свои особенности происхождения и культуры, важные в контексте освоения демьянского бассейна. В самом процессе освоения можно выделить три этапа, которые далее и будут последовательно представлены. Кроме данных из публикаций источниковую базу работы составили полевые материалы 2000–2013 гг., а также сведения из архивных документов.

Этап первый (до 1910-х гг.)

С XVI по XVIII в. Западная Сибирь заселялась преимущественно выходцами из северорусских губерний. Поскольку эти переселенцы владели навыками жизни в сходных природных условиях, они быстрее осваивались на новой территории, продвигаясь в ее глубь. На протяжении веков шло взаимопроникновение, сближение русской и местных сибирских культур. Около середины XIX в. культурная система русских старожилов приобрела уже *«достаточные основания к своему дальнейшему саморазвитию»* [Курилов, 2002, с. 85], однако этот процесс был нарушен массовым переселенческим потоком из европейской части России.

К середине XIX в. на севере современной Омской области русскими поселениями было охвачено не только русло самого Иртыша, но и его правые притоки, в частности Ава, Бича, Туй и Шиш — ближайšie к бассейну Демьянки. Здесь русские крестьяне заходили на угодья сибирских татар, и такое стихийное проникновение впоследствии нередко получало официальное закрепление [Колесников, 1973, с. 211–217; Фатеев, 1996, с. 31–32]. Приобретенный старожилами опыт ведения сельского хозяйства в таежной зоне и активного занятия добывающими промыслами стал в XX в. ориентиром для массовых переселенцев из Европейской России.

Последние, кстати, появились в северной урманной части Омского Прииртышья довольно поздно — в конце XIX в., поскольку ареал долго считался крайне сложным для пашенного земледелия. Опасения подтвердились: получившие наделы новоселы спустя несколько лет мятарств массово подавали просьбы о «переводворении» на более удобные места, а то и самовольно покидали выделенные участки. На их место неизменно приходили другие, которым было уже проще обустроиться на оставленных усадьбах,— непрерывный поток переселенцев делал свое дело [Букейханов, 1908, с. 10–12; Юферев, 1908, с. 276–277, 299–300]. Однако наиболее устойчивой категорией среди колонистов этого региона оставались сибирские старожилы, и они имели причины видеть в приезжих досадных конкурентов, хотя бы потому, что те занимали таежные угодья, ранее являвшиеся промысловыми. Показательно, что несмотря на вековые контакты с местными татарами, издавна ходившими на сезонный промысел в бассейн Демьянки, в среде русских старожилов Среднего Прииртышья такой поход долгое время *«считался необычным и приравнивался чуть ли не к подвигу»* [Шухов, 1928, с. 48–49]. Но в 1890-е гг. все большее число старожилов постепенно переходит на промысел в дальних демьянских урманах — для этого им приходилось преодолевать сотни километров по болотам и труднопроходимым лесным дебрям. В рапортах тарских землеустроителей 1898–1899 гг. уже упоминаются летний и зимний путь в *верхнее и среднее течение Демьяна*, пробитый крестьянами Тевризской волости [ГБУТО «ГА в Тобольске». Ф. И-3, оп. 1, д. 394, л. 41 об.–42].

Иначе ситуация складывалась в Нижнем Прииртышье. В.Н. Курилов отметил как специфическую черту данного региона, что русские поселения здесь тяготели не к малым речкам и озерам, а к руслу Иртыша [2005, с. 207]. Среди очевидных причин этого можно назвать следующие. Во-первых, в силу природных условий существенную экономическую роль для русских Уватского Прииртышья играли рыбная ловля и скотоводство, а лучшие рыболовные угодья и обширные пойменные луга располагались именно на Иртыше. Во-вторых, глубинные таежные районы находились в вотчинном землевладении демьянских хантов, поставлявших в виде налога ценную соболью пушнину. Промысел на инородческих угодьях, а уж тем более проживание там для русских были запрещены, и губернская власть здесь гораздо нетерпимее относилась к самовольным захватам. Из-за дефицита свободных земель в Нижнем Прииртышье, в отличие от

Среднего, не случилось и существенного притока европейских переселенцев XIX в. Как писал отвечавший за нарезку участков чиновник: «Правое побережье Иртыша настолько густо заселено инородцами и крестьянами старожилыми, что там уже приходится считаться с малоземельем. Урочища же по Туртасу и по другим притокам Иртыша, севернее Тобольска, едва ли могут принять к себе переселенцев по причине их малой доступности» [ГБУТО «ГА в Тобольске». Ф. И-3, оп. 1, д. 394, л. 12].

Тем не менее непрерывно шло скрытое продвижение русских на земли демьянских остяков. Официально еще в конце XIX в. крайними русскими поселениями на Демьянке были самые низовые пп. Карабашева и Ситик, расположенные на землях, отведенных правительством для ямщиков Демьянского яма. Выше по реке уже числились только остяцкие селения. По факту же давно шло существенное вливание иртышских крестьян в социум демьянских хантов. Последние, в силу малочисленности, брали русских жен, усыновляли подростков и нанимали работников из числа русских. Кроме того, будучи не в состоянии эксплуатировать все свои рыболовные угодья, ханты нередко приглашали в артели крестьян из Демьянской волости. Часть этих крестьян, уже с семьями, годами жила в хантыйских поселках, на 1898 г. — не менее пяти [Гамолецкий, 1998, с. 222–223, 241; Патканов, 1999, с. 129–135; Janko, 2000, р. 129–134].

Таким образом, к концу первого этапа русские начали периферийное освоение демьянских угодий на обеих территориях Прииртышья: в Среднем — приобрели опыт переходов через водораздельные болота и длительного автономного промысла в удаленных урманах; в Нижнем — установили близкие отношения с коренными жителями, на основе чего в обход законов эксплуатировали их угодья и внедрялись в их сообщество.

Этап второй (1910–1930-е гг.)

В данный период начинается уже массовое и стабильное посещение демьянской территории русскими. Стимулом к этому стало существенное развитие в Сибири рыночной экономики, а также возросшая конкуренция в среде иртышского крестьянства. Новые формы общественных отношений проявились в повышении товарности промысла, распространении таких форм его организации, как артель и испольтчина, в значительном росте числа таежных торговцев. Представим это на материалах обеих прииртышских территорий.

В Омском Прииртышье оформились две категории промысловиков. Первую представляли состоятельные крестьяне (около 10 чел.), вкладывавшие существенные средства в закупку больших запасов продовольствия и боеприпасов. Все это завозилось зимой на лошадях в подготовленные на Демьянке лабазы и использовалось не только самим хозяином, но и для снабжения испольтчиков, а также для обменной торговли с юганскими хантами и эвенками. Второй категорией были более бедные промысловики, которые либо шли в наем к первым, либо ограничивались недолгими экспедициями на Демьянку или же наоборот — уходили в тайгу на несколько лет, чтобы обустроить там надежную базу. Подавляющее большинство промысловиков по-прежнему составляли сибирские старожилы — «настоящие охотники» и «коренные промышленники» [Белоногов, 1928, с. 105; ПМА, 2010: Ю.В. Ярков, Усть-Ишимский р-н]. Значительная часть добытой ими пушнины, мяса, рыбы и ореха вывозилась зимой к Иртышу на продажу.

Число промышлявших на Демьянке и уходивших туда жить росло неравномерно. Если до 1920 г. таких было несколько десятков человек, то к середине 1920-х гг., когда в регионе сильно обострилась экономическая и политическая ситуация (несколько голодных лет, Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г.), они насчитывали многие сотни. К этому времени среди постоянно живших в тайге уже были С.Х. Бабиков, О.Ф. Горбуновский, Коновалов, К.Ф. Сычев, Н.С. Терлеев, П.Е. Шатунов и Е.П. Шахматов, причем не менее половины из них имели причины скрываться от власти. Во многих старожильческих деревнях Утьминской, Петропавловской, Кейзесской, Атирской и других волостей осенью на демьянский промысел уходили артелями уже практически все мужчины. Именно в этот период были обустроены надежные зимники на Демьянку и освоен эффективный способ осенней заброски на угодья с использованием изготовленных на месте дощаных лодок [Белоногов, 1928, с. 102–106; Гинцель, 1926, с. 31–33; Шухов, 1928, с. 48–51; ПМА, 2005: В.И. Бабиков, Уватский р-н; 2010: А.И. Шуйский, Тевризский р-н; С.С. Доброванов, Ю.В. Ярков, Усть-Ишимский р-н]. Сформировался и особый костюм дальнего промысловика: широкие штаны-чамбары из домотканого холста, свободного кроя холщовая рубаха-урманница с вырезанным воротом, верхняя распашная одежда-шабур из полусукна, на ногах — кожаные бродни с травяными стельками [Шухов, 1927, с. 52].

В Уватском Прииртышье тот же процесс вновь протекал с некоторой спецификой — здесь существенное значение имели правовые аспекты в плане получения доступа на «остяцкие вотчины». Первым послаблением была легализация проживавших по Демьянке крестьян — так, в 1911 г. к ю. Лумкоевским были причислены семьи братьев Курбатовых, которые обитали там уже около 20 лет [ГБУТО «ГА в Тобольске». Ф. И-154, оп. 15, д. 2042, л. 1–6 об.]. Далее открылась более широкая возможность для состоятельных хозяев торговать с хантами низовьев Демьянки. Если в 1898 г. торговлю здесь вел лишь тобольский купец второй гильдии А.Ф. Корякин [ГБУТО «ГАТО». Ф. И-255, оп. 8, д. 33, л. 164 об.–165; Дунин-Горкавич, 1996, с. 148], то в 1910-е гг. известно минимум о еще четырех прииртышских кулаках — торговцах с демьянскими остяками (Захаров, Копылов, Крылов и Перевалов) — большинство их попало под репрессии 1930-х гг. [ГБУТО «ГА в Тобольске». Ф. Р-788, оп. 1, д. 4, л. 16–27, 65, 66, 104].

Наконец, в 1923 г. был снят официальный запрет на промысел в инородческих вотчинах по р. Демьянка, и река была буквально наводнена охотниками: «за пушиной <...> бросились все крестьяне» [ГКУ «ГА ЯНАО». Ф. 12, оп. 1, д. 11 а, л. 7]; «сезонные охотники в количестве от 60 до 70 человек <...> размещались кто где хотел, иногда строя землянки у самых юрт» [Васильев, 1929, с. 35]. Происходило и непосредственное заселение низовьев русскими — вместо 5–8 хозяйств 1910-х гг. в 1926 г. их было уже 29 [ГКУ «ГА ЯНАО». Ф. 12, оп. 1, д. 11 а, л. 7–7 об.]. Бесконтрольный хищнический промысел и участвовавшие лесные пожары привели к существенному сокращению пушных животных и лося в низовой части Демьянки. Это в свою очередь подтолкнуло к введению целого ряда официальных ограничений на способы и сроки добычи зверя, а также учреждению в 1925 г. соболино-лосиного заказника в междуречье Куньяка и Кальчи. Контроль за соблюдением промысловых запретов осуществляли работники охотсовхоза, Урал-пушнины и лесничества, которые стали действовать еще строже после акклиматизационного выпуска ондатры в 1929 г. близ той же Кальчи [Куклин, 1927, с. 27; 1930, с. 17–18; ГКУСО «ГАСО». Ф. Р-239, оп. 1, Д. 565, л. 158 об.–160]. Как результат, во-первых, произошел некоторый отток русских жителей с низовьев — к 1929 г. осталось 24 хозяйства [ГКУ «ГА ЯНАО». Ф. 12, оп. 1, д. 11 а, л. 7 об.], а во-вторых, наиболее опытные таежники стали артелями охотиться в среднем течении Демьянки, вплоть до п. Калемьяга, — осенью поднимались на неводниках и возвращались уже по снегу на лыжах [Верещагин, 2002, с. 36; РГАЭ. Ф. 342, оп. 3, д. 3, л. 32 об.]. В экономике переселенцев в низовья первоначально основу благосостояния составляли охота и рыболовство, но постепенно приобретали вес и производящие направления, особенно земледелие. В.В. Васильев приводит такое удельное соотношение отраслей в благополучных демьянских хозяйствах на конец 1920-х гг.: 55 % — земледелие и огородничество, по 10–20 % — рыболовство и пушной промысел, 15 % — скотоводство; но были и хозяйства, в которых добычающие промыслы давали 70–80 % дохода [Васильев, 1929, с. 11].

Таким образом, к 1930-м гг. на обеих прииртышских территориях сформировался контингент жителей, потенциально готовых к переселению в тайгу, — обладавших для этого необходимыми знаниями и навыками, оценивших богатство местных природных ресурсов и труднодоступность для чужих глаз. Более того, были уже отдельные примеры соседей, ушедших от проблем в демьянские леса. Последующий импульс к более массовому переселению имел двоякую природу. С одной стороны, это были коллективизация, раскулачивание и иные репрессивные меры государства, которые несли для многих жителей Прииртышья большую угрозу. С другой стороны, власть сама подталкивала людей сделать выбор в пользу промысловой жизни: стране остро требовалась валюта и иртышских крестьян активно стимулировали заниматься пушной охотой, организуя охотничьи колхозы и привлекая к промыслу сельскохозяйственные артели [Юрьев, 2017, с. 21–23; ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. П-30, оп. 1, д. 936, л. 37–38; Архив ТР. Книга приказов, т. 1, л. 1–2]. В Калемьяге и Бабиково около 1930 г. силами нанятых «Сибторгом» иртышских промысловиков были построены заводы, одной из серьезных задач которых, помимо снабжения товарами и сбора пушнины, было пресечение частной торговли пушиной [ИАОО. П-944, оп. 1, д. 2, л. 22, 47; ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-788, оп. 1, д. 4, л. 133–134 об.]. А вел ее «по старым традициям купечества» проникший в потребкооперацию «кулацкий элемент» [ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. П-30, оп. 1, д. 312, л. 41; д. 74, л. 324 об.] — те же торговцы-промысловики Омского Прииртышья.

Решение стать промысловиками на Демьянке оказалось для многих в этот период спасительным выходом. Среди основных пунктов, из которых происходили переселенцы, были: Бакшеево, Белый Яр, Большая и Малая Бича, Екатериновка, Кайсы, Петрово, Скородум, Тевриз, Ураш, Усть-Ишим, Утьма, Чугат, Ярково — в Омском Прииртышье; Березовка, Горнослинкино, Демьянское, Кошелево, Кукулина, Малый Яр, Мурза, Петухи, Рачево, Трухина, Тугалово, Шилова — в Уватском Прииртышье. Большинство оседало в низовьях и верховьях Демьянки, откуда переселенцам было легче держать связь с «большой землей». В среднем и верхнем течении селились те, кто особенно

не желал контактов с властями. Из воспоминаний Е.А. Тимофеевой: *«Кто у нас (с примыкающего к устью Демьянки участка Иртыша. — В. А.) от колхозов бежал — до Лумкоя доезжали, те, что в вершине стали жить, — приезжали из Тевризского района»* [ПМА, 2004: Уватский р-н]. Общее число русских, живших в 1930-е гг. в среднем и верхнем течении, достигало на пике не менее 150 чел. Это были семьи Бабиковых, Бакшеевых, Бешкильцевых, Веревкиных, Горбачевых, Жуковых, Исуповых, Коноваловых, Копотиловых, Коротаяевых, Косенцовых, Ламбиных, Лытаевых, Нефедовых, Оглоблиных, Патрушевых, Плесовских, Порохиных, Прясиных, Рыбьяковых, Смирновых, Тарковых, Терлеевых, Шатуновых, Шахматовых, Шуйских и др.

Этап третий (1940–1960-е гг.)

В этот период произошла адаптация хозяйства переселенцев. Усадьбы их тяготели к основному руслу Демьянки, располагаясь обычно на высоких берегах, безопасных в весеннее половодье. Многие привели с собой скот (коров, лошадей, овец), начали сеять зерновые и разводить огороды [Белоногов, 1928, с. 106; ПМА, 2005: В.И. Бабиков, А.А. Оглоблина, Уватский р-н]. Параллельно совершенствовались их промысловые навыки, перенимался таежный опыт юганцев, и в итоге хозяйственная модель русских средней и верхней Демьянки постепенно сблизилась с хантыйской. Охотничий промысел (копытные, пушной зверь) выходил в экономике на первое место или составлял с рыболовством равные доли, тогда как животноводство и в особенности земледелие у абсолютного большинства играли вспомогательную роль. В быт русских вошли многие элементы культуры юганских хантов: чувалы, обласа, охотничьи лыжи, обувь, берестяная утварь и др. Их брачные контакты были широки: значительное число браков заключалось внутри группы, нередкими были браки с русскими жителями низовьев реки и Омского Прииртышья, единичные — с демьянскими хантами, звенками, юганцами, чувашами (три переселившиеся на Демьянку семьи).

В начале Великой Отечественной войны Демьянка ненадолго стала прибежищем для нежелающих идти на фронт, и среди них основную часть составляли русские переселенцы. К весне 1942 г. большая часть подлежавших мобилизации была вывезена отрядами милиции, с фронта потом вернулись немногие. В поселениях остались единицы трудоспособных мужчин, были реквизированы лошади, у некоторых, кто особенно упорствовал мобилизации, сожжено и уничтожено имущество, поэтому многие семьи вынуждены были вернуться в Прииртышье либо переселиться в демьянские низовья. Те, кто сумел сохранить хозяйство, не выезжали и в послевоенное время — среди основных причин были высокие сельхозналоги и лучшая обеспеченность продуктами питания на Демьянке за счет таежных промыслов.

К концу войны число первых переселенцев сократилось примерно вдвое, но к ним добавилась новая, весьма своеобразная категория мигрантов — люди, искавшие после тяжелых военных лет душевного успокоения в лесной глуши на поприще промысловой охоты. Таких случаев отмечено более десятка: *«Приезжали. После войны так каждый год — “Я бы туда, вот я бы туда!” Ну, рвались в тайгу. Не по какой-нибудь причине там, война прошла»* [ПМА, 2005: П.А. Григорьев, Уватский р-н]. Преобладали русские выходцы из Омского Прииртышья, нередко прибывавшие без семьи, мало кто из них обладал необходимым опытом таежной жизни и достаточными знаниями для промысла. Как следствие, практически все спустя 5–6 лет возвращались обратно. Старожилы Демьянки не принимали их близко в свою среду, правомерно видя в них лишь временных и странных соседей [ПМА, 2005: В.И. Бабиков, Уватский р-н; 2005: В.П. Лотова, Усть-Ишимский р-н; 2006: А.А. Оглоблина, Уватский р-н; 2010: А.И. Шуйский, Тарский р-н]. Приходили подобные люди и позже, в 1960–1980-е гг., но их было уже гораздо меньше, и они обычно имели кого-то знакомого среди местных. Итоговый результат, тем не менее, был почти неизменным. Реалии промыслового быта, с которыми приходилось сталкиваться новичкам, оказывались слишком суровыми: *«Тайга — это серьезная работа, хлеб не сладкий. <...> Там не озолотишься. Туда идут такие... ну, если сказать по-русски, — с придурью люди. Там романтики немного, там — адский труд»* [ПМА, 2005: Н.Л. Сузлов, Уватский р-н]. Для демьянских жителей, тем не менее, появление данной категории переселенцев стало знаковым — их мир постепенно и неотвратно становился все менее изолированным.

С успокоением социальной обстановки в стране в 1960-е гг. все русские старожилы средней и верхней Демьянки вышли на вполне легальное положение: имели необходимые документы, многие были официально трудоустроены, их дети учились в школах расположенных на Демьянке поселков Калемьяга (среднее течение) и Лумкой (низовья), а состав их семей и хозяйство были достоверно описаны [УРГА. Ф. 20, оп. 1, д. 3, л. 75 об.; оп. 3, д. 18, л. 62–84]. Одним из ярких примеров сознательной социализации стал случай, когда 18-летние демьянские подростки по своей инициативе пришли в с. Тевриз на призывной пункт. В ответ юношам было

предложено принести по мешку клюквы и спокойно вернуться домой, но они отказались [ПМА, 2004: В.А. Оглоблин, Уватский р-н].

В 1970–1980-е гг. локальная группа русских на Демьянке прекратила свое существование. Толчком к массовому выезду стало закрытие местных социальных объектов и развернувшееся нефтедобывающее освоение Уватского района. По сути, причин опасаться возвращения на большую землю практически ни у кого из русских не осталось, при этом таежная жизнь уже не давала особого экономического преимущества, а условия существования резко становились все более некомфортными. Большинство начало покидать территорию еще в 1970-е гг., особенно в верховьях, в 1980-е выехали последние семьи из Калемьяги. В итоге из старожилов сегодня лишь в п. Немское проживают единичные потомки Бабиковых-Оглоблиных. Выезжали русские в основном в те же ареалы Омского и Уватского Прииртышья, откуда происходили. Более десятка семей, среди которых преобладали завязтые промысловики, осели в единственной «цивилизованной» части демьянского низовья — стоящем на железной дороге п. Демьянка и соседнем с. Соровое.

Подводя итог, акцентируем внимание на следующих выводах:

1. Глухой таежный регион р. Демьянки в первой трети XX в. был освоен русскими переселенцами — группой, которая характеризовалась сравнительно высокой численностью и разнородным территориальным происхождением. Абсолютное большинство мигрантов и сезонных промысловиков являлись сибирскими старожилами, обладавшими необходимым опытом освоения нового региона.

2. Переселенцы с двух территорий Прииртышья представили две заметно различавшиеся модели вольной колонизации соседствующей глубинно-таежной территории. Для выходцев из Среднего Прииртышья главным препятствием выхода на Демьянку были обширные труднопроходимые пространства водораздельных болот, а первым стимулом к их преодолению стала конкуренция за прирочные ресурсы с поздними сибирскими переселенцами. Уход же русских жителей Нижнего Прииртышья на вотчины демьянских хантов в большей степени сдерживался официальными запретами и нормами обычного права, регулировавшими землепользование. Ограниченное проникновение на привлекавшую промысловым богатством новую территорию, тем не менее, происходило, причем с гораздо более раннего времени и скрытно — через вкрапление в хантыйское сообщество.

3. Миграция происходила в несколько волн, самая значительная из которых была приурочена к 1930-м гг. — периоду коллективизации и массовых политических репрессий, снижения уровня жизни сибирского крестьянства. Соответственно для существенной части переселенцев уход в таежную глубинку стал способом укрыться от социального прессинга и властного контроля, улучшить свое благосостояние. В этом отношении труднопроходимый и обширный ареал Придемьянья, обладавший богатыми промысловыми ресурсами, на протяжении нескольких десятилетий эффективно выполнял функции надежного природного убежища.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проекты № АААА-А17-117050400150-2 и АА-АА-А19-119071990006-3.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Архив* Тевризской райзаготконторы (Архив ТР). Книга приказов. Т. 1. Л. 1–2.
Исторический архив Омской области (ИАОО). П-944. Оп. 1. Д. 2.
Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области (ГБУТО «ГАТО»». Ф. И-255. Оп. 8. Д. 33.
Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в Тобольске»). Ф. И-3. Оп. 1. Д. 394; Ф. И-154. Оп. 15. Д. 2042; Ф. Р-788. Оп. 1. Д. 4.
Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО «ГАСПИТО»). Ф. П-30. Оп. 1. Д. 74, 312, 936.
Государственное казенное учреждение «Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа» (ГКУ «ГА ЯНАО»). Ф. 12. Оп. 1. Д. 11 а.
Государственное казенное учреждение Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» (ГКУСО «ГАСО»). Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 565.
Полевые материалы автора, 2000–2013 гг.
Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 342. Оп. 3. Д. 3.
Уватский районный государственный архив (УРГА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 3; Оп. 3. Д. 18.

Литература

- Белонотов Т.П.* О Тарском Васюганьи и переходах через него (по сведениям, полученным от промышленников) // *Материалы по изучению Тарского Васюганья* Новосибирск, 1928. С. 99–114.
Букейханов А. Переселенцы в Тарских урманах (из записной книжки статистика) // *Сибирские вопросы*. 1908. № 12. С. 7–12.

Модели освоения удаленных таежных угодий русскими промысловиками...

Васильев В.В. Река Демьянка: Экономико-этнографический очерк. Тобольск: Тобольская гостинография, 1929. 36 с.

Верещагин Н.К. От ондатры до мамонта. Путь зоолога. СПб.: Астерион, 2002. 336 с.

Гамолецкий К.В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX в. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 220–299.

Гинцель П. Жизнь и быт охотников-промышленников крайнего севера Тарского округа // Охотник и пушник Сибири. 1926. № 2. С. 31–33.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 2: Географическое и статистическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерея, 1996. 432 с.

Изергина Е.Л. Добывающие промыслы крестьянства Сибири эпохи капитализма // Земледельческое и промысловое освоение Сибири, XVII — начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 105–113.

Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 440 с.

Куклин С.А. Охотничьи заказники Уральской области в начале 1927 года // Уральский охотник. 1927. № 11. С. 25–30.

Куклин С.А. Ондатра на Тобольском Севере // Уральский охотник. 1930. № 12. С. 15–18.

Курилов В.Н. Идеальное освоение пространства в процессе формирования русских старожилов Сибири: (Перенесенная топонимия) // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 82–105.

Курилов В.Н. Расселение русских старожилов Западной Сибири в середине XIX в. Новосибирск: Пре-Пресс Студио, 2005. 222 с.

Любимова Г.В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 208 с.

Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: Механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск: Наука, 1989. 240 с.

Патканов С.К. По Демьянке: Бытовой и экономический очерк // С.К. Патканов. Сочинения в двух томах. Т. 2: Очерк колонизации Сибири. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 123–183.

Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука, 1981. 330 с.

Старцев А.В. Пушной промысел и пушная торговля Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1987. 213 с.

Фатеев В. В краю таежном: Очерки истории села Усть-Ишим и Усть-Ишимского района. Омск: Омич, 1996. 208 с.

Шухов И. Охотничий промысел в северо-западной части Тевризского района // Охотник и пушник Сибири. 1927. № 1. С. 50–54.

Шухов И.Н. Охотничий промысел в северной части Тарского округа // Материалы к познанию охотничьего дела Западной Сибири. Омск, 1928. Вып. II. С. 33–98.

Юрьев А.И. Пушной промысел на севере Омской области в первой половине XX в. Тара // Национальные приоритеты России. 2017. № 2. С. 19–27.

Юферев В. Переселенцы в Тарских урманах // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 272–300.

Janko J. Utazas Osztyjakfoldre 1898. Budapest: Neprajzi Museum, 2000. 400 s.

Scott J.C. Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1985. 390 p.

Scott J.C. The art of not being governed. An anarchist history of upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 464 p.

V.N. Adaev

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

Colonisation models of remote taiga areas by Russian fur hunters and fishermen of the Middle and Lower Irtysh River region in the 20th century

The Russian colonists, inhabiting southern and mid-taiga regions of Western Siberia since the 17th c., always relied heavily on hunter-gathering in their subsistence. The reasons for this were the obvious difficulties of northern agriculture and the economic benefits that hunting, fishing and gathering brought, including their significant commercial value. The active development of the commercial harvesting among the Russian Siberians already in the 19th c. was hampered by the inaccessibility of many valuable hunting and fishing areas – first of all, remote taiga territories, which were in patrimonial land tenure of the indigenous inhabitants. The process of settlers' penetration into such territories, which unfolded in the 20th c., still has not been considered in detail in historical and ethnographic literature. The paper discusses the free colonization of the Demyanka River basin (Uvat-sky District of the Tyumen region, Russia) by Russians in the first half of the 20th c. based on field and archival data, as well as publications of the 1900-1930s. The main research methods include systematic and comparative historical analyses. It has been concluded that migrants from the Middle and Lower Irtysh regions populated the neighboring

deep taiga territory using different routes; they presented two noticeably different models of colonization. The migration took place in several waves, but the most significant happened in the 1930s. The majority of the migrants were Russian Siberian old-timers who had the necessary experience and knowledge of the local conditions. For a substantial number of the Russian Irtysh region settlers — peasants, hunters and fishermen — the departure to the taiga became an escape from the external social pressure and government control, allowing them to improve their economic well-being. In this regard, surrounded by swamps impassable and vast area of the Demyanka River basin for several decades represented a reliable refuge for fugitives who wanted to be beyond the easy reach of the state.

Key words: Siberian ethnography, Russian Siberian old-timers, taiga hunting-fishing economy, forced migration, routine resistance of peasants.

REFERENCES

- Belonogov T.P. (1928). About Tarsky Vasyugan region and transitions through it (according to information received from hunters). In: *Materialy po izucheniiu Tarskogo Vasyugan'ia*. Novosibirsk, 99–114. (Rus.).
- Bukeikhanov A. (1908). Settlers in Tara taiga forests (from statistic's notebook). *Sibirskie voprosy*, (12), 7–12. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich A.A. (1996). *The Tobolsk North*: In 3 vol. Vol. 2. Moscow: Libereia. (Rus.).
- Fateev V. (1996). *In the taiga land: Essays on the history of the village of Ust-Ishim and Ust-Ishim district*. Omsk: IPK Omich. (Rus.).
- Gamoletskii K.V. (1998). The Demyanskaya volost. In: *Tobol'skii Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX — nachala XX v.* Ekaterinburg: SUKI, 220–299. (Rus.).
- Gintsel' P. (1926). Life and living of hunters of the far north of the Tarsky district. *Okhotnik i pushnik Sibiri*, (2), 31–33. (Rus.).
- Iuferev V. (1908). Immigrants in Tara deep forests. *Voprosy kolonizatsii*, (2), 272–300. (Rus.).
- Iur'ev A.I. (2017). Fur trapping in the north of the Omsk region in the first half of the 20th century. *Tara. Natsio-nal'nye priority Rossii*, (2), 19–27. (Rus.). Retrieved from: [http://rusnatprior.ru/files/files/2\(24\)2017/C.%2019-27%20Юрьев%20№%202-24.%202017.pdf](http://rusnatprior.ru/files/files/2(24)2017/C.%2019-27%20Юрьев%20№%202-24.%202017.pdf).
- Izergina E.L. (1985). Hunter-gathering skills of the Siberian peasantry in the era of capitalism. In: *Zemledel'cheskoe i promyslovoe osvoenie Sibiri, XVII — nachalo XX v.* Novosibirsk, 105–113. (Rus.).
- Janko J. (2000). *Utazas Osztyakfoldre 1898*. Budapest: Neprajzi Museum.
- Kolesnikov A.D. (1973). *The Russian population of Western Siberia in the 18th — early 19th centuries*. Omsk: ZSKI. (Rus.).
- Kuklin S.A. (1930). Muskrat in the Tobolsk North. *Ural'skii okhotnik*, (12), 15–18. (Rus.).
- Kuklin S.A. (1927). Hunting reserves of the Ural region in early 1927. *Ural'skii okhotnik*, (11), 25–30. (Rus.).
- Kurilov V.N. (2002). The ideal space development in the process of formation of Russian old-timers of Siberia: (Transferred toponymy). In: *Russkie starozhily i pereselentsy Sibiri v istoriko-etnograficheskikh issledovaniakh*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 82–105. (Rus.).
- Kurilov V.N. (2005). *The resettlement of Russian old-timers in Western Siberia in the middle of the 19th century*. Novosibirsk: PrePress Studio. (Rus.).
- Liubimova G.V. (2012). *Essays on the history of the interaction of the rural population of Siberia with the natural environment (based on the materials of the Russian agricultural tradition)*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Mamsik T.S. (1989). *Economic colonization of Southern Siberia: Mechanisms of the formation and functioning of the agrarian/fishing/hunting structure*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Patkanov S.K. (1999). On Demyanka-river: Social and economic essay. In: S.K. Patkanov. *Works in two volumes. Vol. 2: Essay on the colonization of Siberia*. Tyumen, 123–183. (Rus.).
- Scott J.C. (1985). *Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance*. New Haven: Yale University Press.
- Scott J.C. (2009). *The art of not being governed. An anarchist history of upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.
- Shukhov I.N. (1928). Hunting in the northern part of the Tara district. In: *Materials to the knowledge of hunting in Western Siberia*. Omsk, 33–98. (Rus.).
- Shukhov I. (1927). Hunting in the northwestern part of the Tevriz region. *Okhotnik i pushnik Sibiri*, (1), 50–54. (Rus.).
- Solovieva E.I. (1981). *Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Startsev A.V. (1987). *Fur trapping and fur trade in Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries: Thesis of candidate of historical sciences*. Tomsk. (Rus.).
- Vasil'ev V.V. (1929). *The Demianka-river: An economic and ethnographic essay*. Tobolsk: Tobol'skaia gostipografia. (Rus.).
- Vereshchagin N.K. (2002). *From muskrat to mammoth. The path of the zoologist*. St. Peterburg: Asterion. (Rus.).

Адаев В.Н., <https://orcid.org/0000-0001-7355-2007>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.09.2020

Article is published: 27.11.2020